
ГЛОТОВ С.А.¹, ГАВРИКОВ П.М.² ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА И ИХ ЗАЩИТА АДВОКАТУРОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (Статья)

Аннотация. В статье проводится анализ содержания цифровых прав человека и гражданина, их конституционно-правовых оснований и особенностей реализации в Российской Федерации. Особое внимание уделяется роли адвокатуры в защите цифровых прав, включая консультативную, досудебную и судебную формы работы, а также проблемам уголовно-правового обеспечения информационно-правового пространства личности. Авторы формулируют основные направления развития механизмов защиты цифровых прав на основе современной отечественной доктрины и правоприменительной практики.

Ключевые слова: цифровые права; права человека; адвокатура; информационно-правовое пространство; личность; цифровизация; конституционные права; уголовное законодательство.

GLOTOV S.A., GAVRIKOV P.M. Digital Human and Civil Rights and their Protection by the Legal Profession in the Russian Federation (Article)

Abstract. The article analyzes the content of digital human and civil rights, their constitutional and legal foundations, and the specifics of their implementation in the Russian Federation. Special attention is paid to the role of the legal profession in protecting digital rights, including advisory, pre-trial, and judicial forms of work, as well as the problems of criminal law enforcement in the information and legal space of the individual. The authors formulate the main directions for

¹ Глотов Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

² © Гавриков Павел Михайлович, адвокат Коллегии адвокатов города Москвы «Династия».

developing mechanisms for protecting digital rights based on modern domestic doctrine and law enforcement practice.

Keywords: digital rights; human rights; advocacy; information and legal space; personality; digitalization; constitutional rights; criminal law.

Для цитирования: Глотов С.А., Гавриков П.М. Цифровые права человека и гражданина и их защита адвокатурой в Российской Федерации (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИНИОН РАН. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 3. – С. 107–123. – DOI: 10.31249/iajpravo/2026.03.08

Введение

Цифровая трансформация общества радикально изменила способы реализации прав и свобод человека: виртуальное пространство превратилось в автономную среду существования личности, где формируются социальные связи, репутация, имущественный оборот и профессиональная деятельность, в том числе возрастает роль адвокатуры как профессионального института, обеспечивающую такую защиту.

Авторы объемного учебника «Цифровое право»¹ справедливо обращают внимание на утвержденную еще девять лет назад Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., возрастающую роль и ценность информации и скорость ее изменения, что порождает вызовы праву, требующие сокращения дистанции между текущим регулированием и уровнем развития технологий во многих областях государственной и общественной жизни. Следует согласиться с мнением авторов главы 1 названного учебника В.Н. Синюковым и С.В. Синюковой, что «какого-то катастрофического отставания правовой сферы от развития цифровых технологий нет. Есть отдельные области, лакуны в законодательстве, которые можно довольно быстро закрыть либо смежными регуляторами, либо введением социальных режимов, снимающих административные барьеры на пути развития технологий». «Неурегулированность отдельных аспектов общественных отношений, недостаточность инструментов защиты прав и законных интересов участников информационных отношений осложня-

¹ См.: Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – 2-е изд. – 2025. – С. 10–14.

ет экономические и юридические процессы, становится фактором, тормозящим развитие отдельных инициатив»¹, что в полной мере касается гарантий каждому на судебную защиту его прав и свобод, предусмотренных ст. 46 Конституции РФ, и получение квалифицированной юридической помощи, согласно ст. 48 Конституции РФ, чем на постоянной, профессиональной основе и занимается адвокатура.

Важность дальнейшего усиления работы на данном направлении подтверждается созданием в январе 2026 г. Правительством РФ Штаба по развитию искусственного интеллекта (ИИ) в формате правительственной Комиссии, а также утверждением Комиссии при Президенте России по вопросам развития технологий искусственного интеллекта (Указ Президента РФ от 26.02.2026 № 116). В январе 2026 г. Президент РФ В.В. Путин поручил разработать и утвердить Национальный план по внедрению технологий ИИ в отраслях экономики, социальной сферы и государственном управлении на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, а в феврале 2026 г. российское Правительство приступило к разработке проекта Федерального закона «Об искусственном интеллекте в Российской Федерации». Не сложно предположить, что в процессе этой большой работы не останется без внимания и вопрос судебной защиты прав и свобод человека и гражданина с помощью искусственного интеллекта (ИИ).

Понятие и виды цифровых прав человека и гражданина

В российском праве отсутствует единое правовое определение цифровых прав человека, однако в доктрине закрепляется подход, согласно которому цифровые права представляют собой совокупность субъективных прав и свобод, реализуемых и обеспечиваемых преимущественно в цифровой среде с использованием информационно-коммуникационных технологий². Эти права не образуют «новую породу» прав, оторванную от классических, а выступают

¹ См.: Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – 2-е изд. – 2025. – С. 10–14.

² Мушаков В.Е. Права человека в условиях цифровизации общества: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2023. – 227 с.

модификацией уже известных конституционных и отраслевых прав, реализуемых в сетевом пространстве¹.

В научной литературе выделяются несколько основных групп цифровых прав. К ним исследователи относят:

– права, связанные с доступом к цифровой инфраструктуре: право на доступ к сети Интернет, цифровым государственным услугам, электронному правосудию и иным платформам, обеспечивающим реализацию иных конституционных прав (на образование, информацию, и др.)²

– права, обусловленные информационной автономией личности: право на защиту персональных данных, на неприкосновенность частной жизни в сети, на конфиденциальность и тайну переписки и иных коммуникаций, осуществляемых посредством цифровых средств³;

– так называемые «новые» цифровые права, появление которых напрямую сопряжено с развитием цифровых технологий: право на забвение, право на цифровую смерть, право на управление цифровой идентичностью и цифровым следом, а также право на бесцифровую среду⁴

Конституционно-правовые основы цифровых прав в России

Конституция РФ не использует термин «цифровые права», однако она закладывает основы их существования и защиты. Базовые положения о достоинстве личности (ст. 21), неприкосновенности частной жизни, тайне переписки и иных сообщений (ст. 23), праве на информацию (ст. 24, 29), судебную защиту (ст. 46) и на равенство всех перед законом и судом (ст. 19) – все эти положения работают и в цифровом измерении.

¹ Чернышева Е.Ю. Права человека в условиях цифровизации общества // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 52–66.

² Глушкова С.И., Летунов Е.Л. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2023. – № 4. – С. 84–103.

³ Цифровые права как неотъемлемые права человека / под ред. Т.Я. Хабриевой. – Москва: ИГП РАН, 2021. – 256 с.

⁴ Мушаков В.Е. указ соч.; Волкова Г.Е. Цифровые права человека: теоретико-правовой аспект: автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2021. – 25 с.; Рожкова М.А. Цифровые права: публично-правовая концепция и гражданско-правовые конструкции // Закон. – 2020. – № 10. – С. 45–64.

Более того в ходе конституционной реформы 2020 г. в Основной закон страны были внесены дополнения и уточнения в части усиления внимания органов государственной власти и местного самоуправления к указанной проблематике. Так, например, к ведению Российской Федерации отнесено «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (п. «м» ст. 71 Конституции РФ). Субъекты РФ в рамках ст. 73 Конституции РФ компетентны также реагировать на быстрорастущую цифровизацию с помощью республиканского, краевого, областного законодательства. Показателен пример Ульяновской области, в которой была принята Концепция внедрения интеллектуальных цифровых технологий «Умный регион» на 2017–2030-е годы, подготовленная в логике реализации федеральной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», но закрепляющая региональную модель цифровизации¹.

Поправки к Конституции РФ 2020 г. расширили полномочия Правительства РФ, в том числе, например, в части обеспечения функционирования системы социальной защиты инвалиды без какой-либо дискриминации, путем создания доступной среды для инвалидов и улучшения качества их жизни (п. «в 2») ч. 1 ст. 114 Конституции РФ). Это касается и обустройства безбарьерной среды (и не только) в российских федеральных и мировых судах и других местах правовой защиты инвалидов.

Исследователи подчеркивают, что цифровизация не изменяет сущности конституционных прав, но трансформирует их содержание и формы реализации². Свобода выражения мнения реализуется через социальные сети, блоги и видеохостинги, право на информацию – посредством цифровых платформ и открытых государственных данных, право на участие в управлении делами государства – через электронные обращения порталы государственных услуг и дистанционные элементы избирательного процесса.

При этом возникает задача обеспечения баланса между свободой и безопасностью. Конституционно защищенная свобода

¹ Распоряжение Губернатора Ульяновской области «О концепции внедрения интеллектуальных цифровых технологий «Умный регион» в Ульяновской области на 2017–2030 годы» от 19.07.2017 № 653-п. – URL: <https://ulgov.ru/pub/atts/page/653-.pdf> (дата обращения: 11.05.2026).

² Цифровые права и их взаимосвязь с Конституцией Российской Федерации: материалы науч.-практ. конф. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2022. – 164 с.

распространения информации в сети Интернет неизбежно сталкивается с необходимостью охраны таких ценностей, как безопасность государства, общественная нравственность, права и законные интересы других лиц. В законодательстве появляются нормы о блокировке экстремистских материалов, ограничении доступа к информации, вредной для детей, регулировании деятельности иностранных платформ, обработке персональных данных. При отсутствии четких конституционных критериев границы допустимого регулирования актуализируется роль правоприменителя, в том числе адвоката, в оценке соразмерности ограничений цифровых прав¹.

Отдельное внимание в конституционно-правовых исследованиях уделяется проблеме цифрового разрыва. Неравный доступ к Интернету, качественным цифровым услугам и электронному правосудию приводит к фактическому неравенству возможностей реализации конституционных прав, в частности права на судебную защиту и правосудие в разумный срок. Обеспечение цифровой инфраструктуры и повышение цифровой грамотности рассматриваются как элементы реализации принципа социального государства и гарантии равенства².

Одной из важных особенностей цифрового права на современном этапе российских реформ является его ярко выраженный процессуальный характер. Быстрое развитие цифровых технологий побуждает активно внедрять их в работу судебной системы страны и одновременно способствует возникновению новых видов правовых споров и конфликтов. Последние, в свою очередь, требуют специальных процедур рассмотрения и решения с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и ИИ³.

¹ Алешкова И.А., Мархгейм М.В. Влияние цифровизации на конституционные права граждан // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 2. – С. 85–92.

² Терещенко Л.К. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 795–810.

³ Терехов М.Г. Цифровое процессуальное право. Общая часть: учеб. пособие. – Москва: Проспект, 2025. – 120 с.; Цифровая экономика: 2024: Краткий статистический сборник / В.А. Абалкин, Г.И. Абдурахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Роберт [и др.]; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. – Москва: ИС-ИЭС ВШЭ, 2024. – 124 с.; Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве. Практика, аналитика, перспективы: монография / М.В. Самсонова, Е.Г. Стрельцов, А.В. Чайкин [и др.]. – Москва: Infotropic Media,

При этом основными субъектами цифровых процессуальных правоотношений выступают как физические и юридические лица, так и органы публичной власти, включающие в себя органы государственной власти и местного самоуправления, адвокатуру и т.д. (что является традиционным). Однако к ним добавляются и такие новые субъекты (посредники), как Интернет, цифровые платформы и сервисы, а также другие продукты ИКТ и ИИ.

На практике речь идет, например, об активном (можно утверждать, уже повседневном) использовании электронной цифровой подписи; проведении аудио- и видеозаписи следственных действий и судебных заседаний; изъятии в необходимых случаях цифровых платежей и информации; получении сведений из различного рода экспертиз с использованием цифровых технологий; фиксации сведений из широко используемых в наши дни интернет-ресурсов и т.д. Не говоря уже о необходимости использования специальных знаний, которыми должны обладать участники процесса, в том числе цифровые эксперты.

Впереди еще немало работы по регламентации использования электронных доказательств в быстроразвивающейся информационно-электронной среде и ИИ, а также по уточнению различных аспектов участия сторон в процессе и административной деятельности.

Роль адвокатуры в защите цифровых прав

Как считает А.Н. Баланов¹, искусственный интеллект в судопроизводстве и правоохранительной деятельности может быть использован в различных аспектах деятельности, в том числе:

– для анализа больших объемов информации, включая тексты, изображения и видео, что позволяет правоохранительным органам более эффективно исследовать полученную информацию,

2022. – 332 с.; Кирсанова Е.В. Роль нотариата в реализации концепции цифрового исполнительного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 12. – С. 8–16; Карцхия А.А. Облачные технологии: правовой аспект // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6 (123). – С. 162–172. Панкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского Университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109, и др.

¹ Баланов А.Н. Искусственный интеллект. Понимание, применение и перспективы: учебник для вузов. – 2-е изд., стер. – Санкт-Петербург: Лань, 2025. – С. 209–211.

что способствует более точному судебному процессу (функции анализа доказательств с использованием искусственного интеллекта);

– *предсказывать* (в определенной мере) *вероятность совершения преступления* предсказательная аналитика;

– *автоматизировать некоторые рутинные процессы* в деятельности административного персонала судов и самих судей, их помощников, в том числе при работе с документами, обработке заявлений и запросов;

– предоставление более *квалифицированной правовой помощи гражданам*, виртуальные помощники, чат-боты, как известно, уже достаточно сильны в этой области и их возможности быстро нарастают.

Различные аспекты применения ИИ в судебной системе в своих работах исследуют, например, Д.С. Аулов¹, В.Н. Андреев, В.А. Лаптев, С.Ю. Чуча², А.В. Габов³, Д.Э. Гаспарян, Е.М. Стырин⁴, А.В. Макутчев⁵, В.А. Саморока, Н.В. Угольников, Н.В. Григорьева⁶, А.И. Янтиров⁷, Е.В. Бурдина, С.В. Зудин С.В. и др.

¹ Аулов Д.С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Право. – 2023. – № 1 (52). – С. 123–130.

² Андреев В.Н., Лаптев В.А., Чуча С.Ю. Искусственный интеллект в системе электронного правосудия при рассмотрении корпоративных споров // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. Право. – 2020. – № 1. – С. 19–34.

³ Габов А.В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – С. 208–235.

⁴ Гаспарян Д.Э., Стырин Е.М. Прикладные проблемы внедрения этики искусственного интеллекта в России: отраслевой анализ и судебная система. – Москва, 2020. – 123 с.

⁵ Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в системе правосудия // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 8 (141). – С. 47–58.

⁶ Саморока В.А., Угольников Н.В., Григорьева Н.В. Анализ опыта предварительного расследования в суде уголовных дел о классическом мошенничестве и мошенничестве с использованием электронных средств платежа // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 2. – С. 41–44.

⁷ Янтиров А.И. Совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации: дис. канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2024.

Цифровизация права и правоприменения обусловила существенную трансформацию деятельности адвокатуры¹. Адвокатская практика все чаще сталкивается с делами, где предметом защиты является информация в сети Интернет, персональные данные, цифровая репутация и действия цифровых платформ. Расширение числа трансграничных цифровых платформ и экосистем, фактически выполняющих функции частных регуляторов доступа к информации, многократно усложняет задачу защитника².

Во-первых, значима консультативная функция адвоката. Он разъясняет гражданам содержание их цифровых прав, правомерные режимы обработки персональных данных, правовые последствия согласия на обработку, механизмы отзыва согласия и способы фиксации нарушений в сети. Особую актуальность приобретает консультирование по вопросам рисков, связанных с алгоритмическими системами принятия решений. Как указывает Э.В. Талапина, системы машинного обучения являются вероятностными и способны порождать косвенную дискриминацию, фокусирующуюся на последствиях применения норм, которые формально нейтральны, но оказывают дифференцированное воздействие на лиц из «защищенных» групп³.

Во-вторых, адвокат осуществляет досудебную защиту цифровых прав, направляя запросы и претензии к операторам персональных данных, владельцам сайтов, администраторам социальных сетей и мессенджеров с требованиями удалить незаконный контент, прекратить неправомерную обработку данных, скорректировать недостоверную информацию⁴.

После вступления в силу новой редакции Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 27.06.2024) «Об информации,

¹ Кузнецов А.В. К вопросу о развитии цифровизации и ее влиянии на адвокатуру // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 2. – С. 234–248.

² Борзенков М.А. О некоторых особенностях деятельности адвоката по защите цифровых прав граждан // Молодой ученый. – 2024. – № 47. – С. 156–159. Алешкова И.А. Искусственный интеллект и развитие цифрового международного права (обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИНИОН РАН. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 3. – С. 76–89; Терещенко Л.К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. – 2024. – № 9. – С. 163–174.

³ Талапина Э.В. Дискриминационный потенциал алгоритмов // Административное право и процесс. – 2025. – № 2. – С. 55–58.

⁴ Фадеев А.В., Воронина П.А. Цифровизация адвокатской деятельности // Юридическая наука. – 2021. – № 9. – С. 112–119.

информационных технологиях и о защите информации» статьей 10.3 предусмотрена обязанность оператора поисковой системы по обращению физического лица прекращать выдачу ссылок на информацию о заявителе, если такая информация распространена с нарушением российского законодательства, не соответствует действительности либо утратила актуальность и значимость вследствие последующих обстоятельств или действий самого заявителя. Данная обязанность не распространяется на сведения о деяниях, содержащих признаки преступления, по которым не истекли сроки уголовного преследования, а также на информацию о непогашенной и неснятой судимости. По требованию гражданина (физического лица) оператор поисковой системы обязан прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет» (далее – ссылка), позволяющих получить доступ к информации о заявителе, распространяемой с нарушением законодательства РФ, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость.

В-третьих, существенный массив практики составляет судебная защита цифровых прав. Адвокаты представляют интересы доверителей по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации в связи с распространением сведений в Интернете – в том числе на страницах запрещенных социальных сетей. При этом суды сталкиваются с противоречием. Так, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 2 апреля 2024 г. по делу № 88–11147/2024 подчеркнул, что реальная защита чести и достоинства должна быть обеспечена независимо от статуса платформы, однако отменил требование об удалении контента из заблокированного в России ресурса ввиду отсутствия технической возможности его исполнения.

По спорам, связанным с нарушением законодательства о персональных данных, и по делам о незаконной блокировке ресурсов также активно формируется судебная практика¹. Особенно

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности статьи 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»».

стью этих дел является необходимость доказывания факта доведения сведений до неопределенного круга лиц, установления лица, разместившего информацию, и корректной фиксации контента, подверженного изменениям и удалению.

В-четвертых, адвокатура сама становится активным участником процессов цифровизации правосудия¹. Использование электронных сервисов судов, систем видеоконференц-связи, электронных кабинетов и специализированных информационных систем порождает новые вызовы для сохранения адвокатской тайны, защиты конфиденциальных сведений и обеспечения безопасности коммуникации с доверителем². В связи с этим в научной литературе обосновывается необходимость формирования у адвокатов дополнительных цифровых компетенций и разработки корпоративных стандартов цифровой безопасности.

Уголовно-правовая защита цифровых прав

Цифровизация общества повлекла появление нового комплекса угроз, связанных с посягательствами на информационно-правовое пространство личности. Речь идет о преступлениях в сфере компьютерной информации, незаконном доступе к охраняемой законом информации, нарушении тайны переписки с использованием цифровых каналов, нелегальном обороте персональных данных, создании и использовании дипфейков и иных форм цифровых манипуляций³.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей» систематизировало подходы к квалификации таких деяний. В частности, Пленум в п. 6 вышеназванного постановления разъяснил, что по каждому делу о преступлениях, предусмотренных ст. 272 и 274 УК РФ, подлежат установлению не только факт неправомерного доступа или нарушения правил, но и общественно опасные послед-

¹ Фадеев А.В., Краснов Н.И. Проблемы цифровизации в адвокатской деятельности // Военно-юридический вестник. – 2022. – № 3. – С. 18–24.

² Цифровая безопасность личности: информ.-метод. материалы / Федеральная палата адвокатов РФ. – Москва, 2026. – 48 с.

³ См.: Саморока В.А., Угольников А.В., Григорьева Н.В. Указ соч.

ствия, охватывавшиеся умыслом лица, а также причинная связь между действиями и наступившими последствиями. В п. 3 указанного постановления Пленума разъясняется, что охраняемой признается информация, в отношении которой установлена обязательность соблюдения конфиденциальности (в том числе персональные данные, личная, семейная или иная тайна), а также информация, для которой обладателем установлены средства защиты.

В научной и профессиональной среде активно обсуждается идея закрепления в качестве одной из целей уголовного законодательства защиты информационно-правового пространства личности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны. Вместе с тем подчеркивается необходимость недопущения чрезмерного расширения уголовной репрессии в цифровой сфере, способного негативно отразиться на свободе выражения мнения и иных правах человека¹.

Для адвоката дела, связанные с цифровой информацией, сопряжены с целым рядом особенностей. Во-первых, большой удельный вес электронных доказательств (логи серверов, данные о соединениях, переписка в мессенджерах, файлы в облачных хранилищах) требует повышенного внимания к соблюдению процедур их получения, сохранности и возможности фальсификации². Верховный Суд РФ подтвердил допустимость заверенных стороной скриншотов в качестве доказательств при условии, что они содержат адрес интернет-страницы, точные дату и время их получения³. Во-вторых, пересечение оперативно-розыскной деятельности и цифровых технологий обостряет вопросы судебного контроля, конкретности задач и соразмерности вмешательства в частную жизнь. В-третьих, применительно к уголовным делам с использованием ИИ или алгоритмических систем значение приобретает разграничение между прямым умыслом и вероятностным

¹ Защита информационно-правового пространства личности как цель уголовного законодательства: материалы круглого стола / Федеральная палата адвокатов РФ. – Москва, 2025. – URL: <https://fparf.ru/news/fpa/zashchita-informatsionno-pravovogo-prostranstva-lichnosti-kak-tsel-ugolovnogo-zakonodatelstva/> (дата обращения: 11.05.2026).

² Фадеев А.В., Краснов Н.И. Указ. соч.

³ Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 г.

характером алгоритмических решений, о котором пишет Э.В. Талапина¹.

Судебная практика по защите цифровых прав: современное состояние

Российская судебная практика в сфере цифровых прав развивается интенсивно, формируя ключевые правовые позиции по нескольким группам споров.

Авторские права в Интернете

Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 г., охватывающий более 40 правовых позиций по делам о нарушении авторских и смежных прав в сети Интернет за 2019–2023 гг., содержит ряд принципиальных выводов. Верховный Суд подтвердил, что доступность произведения в Интернете не является основанием для его дальнейшего свободного использования; каждый способ использования составляет самостоятельное правомочие. При определении размера компенсации суды обязаны учитывать посещаемость и доходность сайта, длительность периода незаконного использования, а также системность нарушений. Адвокат, представляющий интересы правообладателей, обязан обеспечить надлежащую фиксацию нарушения: заверенный скриншот с указанием адреса страницы и точного времени получения признается допустимым доказательством.

Персональные данные

С 30 мая 2025 г. вступили в силу изменения в ст. 13.11 КоАП РФ, предусматривающие оборотные штрафы за утечку персональных данных. Верховный Суд РФ в постановлении от 06.08.2025 г. по делу № 46-АД25–13-К6 подтвердил правомерность привлечения к ответственности за обработку персональных данных в случаях, не предусмотренных законодательством, либо их обработку в целях, несовместимых с целями сбора. Наиболее распространенными нарушениями в сфере персональных данных являются несоблюдение требований о получении согласия, игнорирование за-

¹ Талапина Э.В. Указ. соч. – С. 55–58.

просов субъектов данных и несвоевременное уничтожение информации.

Право на забвение

Конституционный Суд РФ в п. 3.2. и 3.3. Постановления от 25.05.2021 № 22-П и Определении от 19.10.2021 № 2129-О сформулировал позицию о соразмерности права на забвение: оно не имеет абсолютного характера и требует баланса с другими конституционными ценностями. Суд указал, что право на неприкосновенность частной жизни и право на доступ к информации не находятся в состоянии главенства и подчинения, не обладают безусловным приоритетом друг перед другом. Один лишь факт опубликования обвинительного приговора на официальном сайте суда не может быть единственным подтверждением сохраняющейся актуальности сведений об осужденном. Суд подчеркнул, что право на забвение не применяется к информации, обладающей безусловной публичной значимостью, содержащей данные о событиях с признаками уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к ответственности по которым не истекли, или о преступлении, по которому не снята или не погашена судимость. КС РФ напомнил, что суды должны находить баланс между защитой частной жизни и свободой информации, исследуя все фактические обстоятельства конкретного дела. Принципиальное значение имеет наличие общественного интереса к сведениям, а не формальные критерии.

Защита чести и достоинства в социальных сетях

Судебная практика по спорам о защите чести и достоинства от информации, размещенной в запрещенных социальных сетях (Meta Platforms Inc., признана в РФ экстремистской), демонстрирует противоречивость подходов. Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 02.04.2024 г. по делу № 88–11147/2024 указывает, что требование о возложении обязанности удалить контент с запрещенной в России платформы не может быть удовлетворено ввиду отсутствия технической возможности его исполнения, однако суд обязан обеспечить реальную защиту иными доступными способами. Эта неопределенность формирует специфическую задачу для адвоката – правильно сформулировать требования с учетом реальной исполнимости судебного решения.

Блокировка интернет-ресурсов

В научной литературе указывается на недостаточность судебного контроля за внесудебными блокировками, осуществляемыми Роскомнадзором: значительная часть ограничений применяется во внесудебном порядке, что усиливает риск скрытой цензуры, запрещенной Конституцией РФ. Исследователи предлагают расширить обязательные судебные процедуры, установить краткие сроки подтверждения внесудебных блокировок, обеспечить участие заинтересованных лиц и закрепить обязанность судов проводить тест пропорциональности при оценке ограничительных мер¹.

Проблемы и перспективы развития защиты цифровых прав

Несмотря на заметное развитие нормативного регулирования, правовое обеспечение цифровых прав остается фрагментарным и во многом реактивным: многие нормы принимаются уже после формирования соответствующих технологических практик. Это приводит к пробелам и коллизиям, в особенности на стыке частного и публичного права, а также в трансграничных цифровых отношениях².

Серьёзным вызовом выступает доминирующее положение крупных цифровых платформ, создающих трансграничные цифровые экосистемы и фактически выполняющих функции частных регуляторов доступа к информации. Как предостерегает научная доктрина, делегирование государством частным корпорациям функции цензуры и контроля над ИИ-системами создает угрозу размывания конституционных гарантий; регулирование алгоритмических вопросов должно оставаться прерогативой государственной политики. Это особенно значимо в контексте управленческих решений, принимаемых алгоритмами в отношении граждан: вероятностный характер машинного обучения увеличивает дискриминационные риски, прежде всего для уязвимых групп³.

Перспективным направлением видится развитие специализированных адвокатских практик по защите цифровых прав, вклю-

¹ Кириллина А.А. Судебный контроль за блокировкой контента: баланс между свободой информации и публичными интересами // Молодой ученый. – 2025. – № 49 (600). – С. 349–352.

² Терещенко Л.К. Указ. соч.

³ Алешкова И.А. Указ. соч.

чающих компетенции в области цифровой безопасности, обработки данных и особенностей функционирования платформ.

На международном уровне предложение о разработке специального информационно-цифрового кодекса и дополнительных протоколов к действующим пактам о правах человека остается дискуссионным. Так, А.Х. Абашидзе прогнозирует, что заключение глобального договора по ИИ на универсальном уровне в ближайшей перспективе маловероятно ввиду конкурентных интересов ведущих технологических держав, а существующие региональные инструменты – Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act) и Рамочная конвенция Совета Европы – отражают прежде всего интересы их инициаторов¹.

Важной задачей на ближайшую перспективу является укрепление международного сотрудничества в сфере цифровых прав². Исследования подчеркивают необходимость сближения национальных стандартов с международными подходами, в том числе принципа равной защиты прав офлайн и онлайн, принципа прозрачности алгоритмических решений, недопустимости дискриминации при обработке данных. Здесь адвокатура может участвовать в обмене опытом, обсуждении проектов международных актов, защите прав граждан в наднациональных инстанциях.

Интерес представляет законодательство Китайской Народной Республики, работы российских и китайских ученых в сфере ИИ, в том числе в контексте сравнительно-правового анализа³. В связи с этим важна судебная практика, правовые позиции Пленума и Президиума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

¹ Абашидзе А.Х. Влияние цифровизации жизни общества на соблюдение прав человека: международные правовые аспекты // Евразия – 2024: правовая и социально-экономическая интеграция в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта: материалы Международ. науч.-практ. конф., ин-т права Уфимского ун-та науки и технологии, 13–14 сентября 2024 г. – 2024. – С. 17–18.

² Терехов М.Г. Указ соч. – С. 59–66.

³ Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – № 2 (1). – С. 46–73; Ли Йо. Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – № 3. – С. 245–266. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, ЕС, США, ЮАР и некоторых других стран: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Москва, 2021. – 45 с. и др.

Заключение

Цифровые права человека и гражданина представляют собой относительно новый, но стремительно развивающийся компонент правового статуса личности, тесно связанный с традиционными конституционными правами. Международное измерение их защиты приобретает все большее значение по мере формирования цифрового международного права: принятие Глобального цифрового договора (2024), Регламент ЕС об искусственном интеллекте (2024) и Рамочной конвенции Совета Европы (2024) знаменует переход к системному регулированию, пусть пока и не универсальному. Адвокатура, обладая профессиональной независимостью и специальными компетенциями, объективно выступает одним из ключевых субъектов защиты цифровых прав – как в досудебной, так и в судебной и уголовно-правовой плоскости. Динамично развивающаяся судебная практика по делам о персональных данных, авторских правах в Интернете, праве на забвение и защите чести в социальных сетях обозначает конкретные направления, где роль профессионального защитника особенно значима.